

УДК: 330.354

КОРРУПЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПОДХОД АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© 2013 г. **В.В. Борцев***

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Статья посвящена изучению проведённых американскими учёными исследований по выявлению связи между коррупцией и экономическим ростом. Показаны отличительные характерные черты эмпирических работ в этой области, а также рассмотрены исследования, основанные на экспериментальных данных, произведён анализ основных результатов.

Ключевые слова: *коррупция, экономический рост, эмпирические исследования, эксперимент*

Феномен коррупции исследуется с применением инструментов экономического анализа учёными со всего мира уже продолжительное время [1; 15; 24]. Особое место среди таких трудов занимают исследования американских учёных – в первую очередь, по причине высокого качества этих материалов и их чрезвычайно высокой научно-практической значимости, так как в процессе выявления причин возникновения коррупции, оценки масштабов и последствий этого явления исследователи сталкиваются с множеством сложностей. Так, ряд параметров, условий и предпосылок для анализа невозможно «встроить» в существующие модели. Поэтому в последнее время учёные всё чаще прибегают к математическому, статистическому и эконометрическому моделированию. Использование таких методов анализа, наряду с обширными массивами данных, позволяет учитывать большее количество параметров, что делает результаты исследования более репрезентативными. Такие исследования в большинстве своём, направлены на поиск взаимосвязей между изменяющимися уровнями коррупции и различными экономическими и неэкономическими факторами в процессе межстранового анализа на макроуровне.

Одним из наиболее спорных моментов среди учёных в процессе изучения феномена коррупции является воздействие этого явления на экономический рост. Существует множество теоретических работ, в рамках которых коррупция рассматривается как фактор, безусловно тормозящий экономический рост [13; 21]. Некоторые исследователи, напротив, расценивают воздействие

* **БОРЦЕВ Валерий Викторович** – аспирант кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: bal_1988@mail.ru

коррупции как позитивное [12; 14; 16; 17]. На смену теоретическим исследованиям постепенно пришли эмпирические. Их отличительной чертой является то, что они основываются на статистических данных по обширному количеству стран. Наиболее общепринятыми показателями масштабов коррупции и их динамики считаются «Индекс восприятия коррупции» (*Corruption Perceptions Index – CPI*), составляемый неправительственной международной организацией по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру «Транспэрэнси интернэшнл» (*Transparency International*), и «Международные показатели индекса коррупции» (*International Country Risk Guide – ICRG*) международной группы «Политикал риск сервисиз» (*PRS Group*).

Большая часть фундаментальных трудов в исследуемой области выполнена учёными из США. Несмотря на то, что проблема коррупции в самих США особую остроту не создаёт, у американских исследователей эта тема вызывает значительный научный интерес. Часть таких трудов направлена на изучение ситуации на основе эмпирических данных, полученных из развивающихся стран, и небольшую долю занимают работы местных учёных, однако нередко они публикуются в американских профильных периодических изданиях.

Классическим эмпирическим исследованием, посвящённым выявлению наличия взаимосвязи между коррупцией и экономическим ростом, следует считать работу американского учёного Паоло Мауро [18]. В его исследовании использовались данные по девяти индикаторам институциональной эффективности. Базовыми в этом исследовании являлись предпосылки об «эффективной бюрократии» как наиболее действенном способе борьбы с коррупцией, об иностранных инвестициях и ВВП как индикаторах экономического роста. Важнейшим результатом исследования является выявление «каналов воздействия» изучаемого феномена на экономический рост. Мауро пришёл к выводу, что усиление коррупции влияет на совокупное количество инвестиций, снижая их и тем самым уменьшая объём ВВП.

Ещё одно эмпирическое исследование, которое также следует считать классическим, было предпринято американскими учёными в 1997 г. [26]. В нём получены результаты, схожие с выводами Мауро: чем выше уровень коррупции, тем выше объём государственных инвестиций и тем ниже эффективность государственных доходов. Более того, обширный масштаб коррупции отрицательно сказывается на качестве инфраструктуры, что повышает издержки деловой активности и в частном, и в общественном секторе. В дальнейшем этими же учёными было предпринято ещё одно исследование на основе данных по 97 странам мира [27], результаты которого также подтвердили ранее полученные выводы.

В отличие от классических работ, посвящённых изучению воздействия коррупции на экономический рост, современные исследования характеризуются тем, что в модели включается большее количество ограничивающих условий. Такие работы также отличаются тем, что выводы, которые можно получить на основе их результатов, позволяют не только определить направление воздействия одного параметра на другой, но и выявить конкретные условия, в рамках которых возникают подобные ситуации. Так, например, в исследовании, предпринятом американскими учёными Мендесом и Сепульведой в 2005 г., помимо показателей экономического роста в модели учитывался и тип политического режима [19]. Введение такого индикатора, впрочем, не является

новым, целесообразность использования этого параметра была описана ранее в теоретических исследованиях Эрлиха и Льюи [9].

В рамках ещё одного исследования, направленного на изучение взаимосвязи коррупции и экономического роста, коррупция условно подразделяется на два типа: в одну категорию выделена коррупция, вызванная институциональными причинами, в другую – коррупция, связанная с остальными причинами [20]. Для анализа были использованы данные по 141 стране с 1996 по 2004 год. Результаты этого исследования показывают, что в зависимости от причин возникновения, коррупция может оказывать различное влияние на экономический рост. Так, выяснилось, что коррупция, связанная с институциональными причинами, отрицательно влияет на экономический рост и накопление капитала. Ситуация относительно коррупции, вызванной иными причинами, оказалась диаметрально противоположной. Для государства это может означать, что борьба с коррупцией без параллельного улучшения работы или проведения институциональных реформ, повлечёт за собой исключительно отрицательные последствия. К тому же коррупция, вызванная неинституциональными причинами, оказывает в разных странах различное воздействие на экономический рост. Положительное влияние наблюдалось в странах с плохо работающей институциональной средой, а отрицательное – с развитой институциональной инфраструктурой. Однако вряд ли возможно строго трактовать результаты этого исследования. За рамками моделей остаётся множество параметров (по причине их большого количества), способных влиять на экономический рост. Помимо этого, могла иметь место явная обратная зависимость: бурный рост экономики в данной стране привёл к развитию бизнеса и к увеличению количества коррупционных сделок. Более того, в странах, экспортирующих, например, нефть, экономический рост стимулируют увеличивающиеся цены на этот энергоресурс, а вовсе не коррупция.

Результаты эмпирических исследований взаимосвязи динамики коррупции и экономического роста в большинстве своём способствуют исключительно развитию понимания характера воздействия явлений друг на друга. Практическое применение результатов ограничивается тем, что отсутствуют точные данные характера максимально возможных значений динамических зависимых переменных (показателей). Исходя из теоретических предпосылок, нулевое значение коррупции должно было бы сопровождаться бесконечно быстрым экономическим ростом, однако это идёт вразрез с реальной ситуацией.

В 2012 г. в свет вышла работа, выполненная учёными из Пакистана и направленная на выявление характера взаимозависимости между динамикой коррупции и экономическим ростом [8]. Эмпирической базой для неё послужили панельные данные по 71 стране за 25-летний период. Важным отличием модели, использованной в этом исследовании, от других моделей явилась группировка стран по уровню дохода, т.е. условное деление на развитые и развивающиеся страны. Результаты позволяют судить о наличии уровня коррупции, при котором достигается максимальное значение экономического роста.

Оказалось, что взаимосвязь между уровнем коррупции и экономическим ростом описывается функцией, имеющей не линейную, а горбообразную (перевернутую U-образную) форму. То есть в действительности снижение коррупции позитивно отражается на ускорении экономического роста только до определённого момента, а после достижения этого максимума, темпы роста сокращаются

параллельно значению показателя уровня коррупции. В качестве ещё одного результата исследования, учёные отметили существенную роль качества общественных (социальных) институтов для экономического роста. Были выявлены и каналы, через которые коррупция воздействует на экономический рост. Среди них в первую очередь выделяются инвестиции (как внутренние, так и прямые иностранные) и государственные расходы. Наличие каналов воздействия означает, что изменение величины одного показателя (например, значение уровня коррупции) не влияет напрямую на изменение значения конечного показателя (например, величина экономического роста). Воздействие происходит опосредованно через какой-либо показатель (или группу показателей).

Весьма интересным исследованием является работа 2010 г., посвящённая изучению воздействия коррупции на устойчивое развитие [3]. Необходимо особо подчеркнуть, что в рамках «Концепции устойчивого развития» (КУР) устойчивое развитие представляет собой более широкое понятие, нежели просто экономический рост, так как включает в себя не только рост экономики, но также и заботу об экологии и социальную стабильность.

Статистической базой в указанном исследовании послужили панельные данные по 100 странам за период с 1996 по 2007 г. Результаты показывают, что коррупция является одним из основных препятствий устойчивому развитию. Более того, исследователям удалось выявить наиболее негативные направления воздействия такой коррупции. Так, оказалось, что наиболее негативной является коррупция, уничтожающая стимулы (то есть, создающая антистимулы) к защите и сохранению капитала. Фактически это означает, что государственная политика, направленная на преодоление коррупции, в первую очередь должна противодействовать коррупционной практике в сфере добычи (освоения) природных ресурсов и природоохранной деятельности.

Как это ни парадоксально, но на современном этапе изучения воздействия коррупции на экономический рост и другие социально-экономические индикаторы учёные стремятся к получению практических результатов, в первую очередь – с целью формирования антикоррупционной политики. В свете этого показательным является исследование, посвящённое изучению воздействия коррупции на экономический рост при различных политических режимах [2]. Типы режима в работе определялись по «качеству политических институтов». Несмотря на то, что модель является в значительной степени упрощённой, результаты эмпирического исследования следует считать репрезентативными. В работе выделены два основных типа политических режимов:

1. Режим, при котором качество политических институтов находится на достаточно высоком уровне, чтобы граждане имели возможность реального практического применения механизмов смены власти.

2. Режим характеризуется несовершенством политических институтов. При этом граждане не имеют возможности контролировать деятельность правительства.

Результаты исследования позволяют однозначно судить об отрицательном воздействии коррупции на экономический рост. Однако такое влияние оказывается в значительно меньшей степени при втором типе политических режимов. Комментируя подобные результаты, следует напомнить об известном теоретическом подходе к изучению явления – «коррупция как смазка», в рамках которого феномен коррупции рассматривается, как вспомогательный инстру-

мент функционирования экономики в условиях плохой институциональной среды, заменяющий собой плохо функционирующие или полностью неработающие институты. Выводом таких теоретических исследований в разное время становились утверждения о вспомогательной роли коррупции и её способности к стимулированию экономического роста, при наличии вышеописанных предпосылок. Результаты рассмотренного эмпирического исследования показывают, что подобный эффект имеет место быть, однако не в столь значительной степени, как описывается в теоретических трудах. Вывод однозначен – коррупция не способна оказать положительного воздействия на темпы экономического роста даже при плохой институциональной среде.

Изучению подобного вопроса посвящена ещё одна фундаментальная работа, статистической и вычислительной базой для которой являются результаты и модели 41 эмпирического исследования [7]. Несмотря на наличие результатов некоторых, в первую очередь теоретических, исследований, свидетельствующих о положительном воздействии коррупции на экономический рост, современные эмпирические работы не подтверждают этих теорий. Результаты рассматриваемого труда, позволяют, помимо всего прочего, выявить некоторые региональные особенности. Так, в странах Азии, Ближнего Востока и Северной Африки коррупция по сравнению с другими регионами оказывает более сильное отрицательное воздействие на экономический рост. В целом же, результаты подтверждают ранее полученные выводы, т.е. демонстрируют несостоятельность теории, что коррупция стимулирует экономический рост. Эмпирических подтверждений этому теоретическому предположению выявлено не было. Воздействие коррупции на экономический рост может только ослабляться по тем или иным причинам (преимущественно институциональным), но оно всегда является отрицательным. Результаты могут найти применение при разработке государственных антикоррупционных программ, так как они формируют понимание реальной ситуации, связанной с опасностью коррупции. Более того, научные результаты могут быть использованы при формировании внешней политики как на правительственном уровне, так и на уровне фирм.

Отдельно выделяются исследования, которые основываются на данных по отдельным регионам или странам. Рассмотрение воздействия коррупции на экономический рост по каналам инвестирования проведено в работе американских учёных, основанной на панельных данных по 33 африканским странам за 1982–2001 гг. [5]. Авторами был проведён анализ влияния коррупции по каналам государственного и частного инвестирования. Результаты эмпирического исследования показывают, что коррупция воздействует на рост доходов как прямо, так и через инвестирование. Коррупция в значительной степени отрицательно влияет на частное инвестирование, однако имеет положительное воздействие на государственное инвестирование. Подобная связь между коррупцией и государственным инвестированием объясняется тем, что коррумпированные чиновники, преследуя цель максимизации личной выгоды, стремятся увеличить объём государственных инвестиций. Выявленная связь коррупции с частным инвестированием объясняется увеличением издержек ведения бизнеса – это и есть так называемый «коррупционный налог».

Исследования на уровне эмпирических данных по отдельным странам, например по Ливии, позволяют судить о снижении продуктивности человеческого капитала и неэффективности государственных расходов [10]. Аналогичные

результаты были получены и в исследовании с использованием данных по Нигерии 1986–2007 гг. [4]. В нём подтвердились выводы как об отрицательном воздействии коррупции на человеческий капитал, так и о положительном влиянии на объём государственных инвестиций.

В 2009 г. было предпринято исследование, «интересное» в том смысле, что оно было направлено на выявление обратного эффекта, выражающегося в воздействии экономического роста на уровень коррупции [6]. В работе были использованы панельные данные по 20 регионам Индии за 2005–2008 гг. Полученные результаты показали, что при положительном экономическом росте общий показатель масштабов коррупции сокращается, однако при этом восприятие коррупции населением и представителями бизнеса не изменяется. Такие результаты были получены, скорее всего, по двум причинам: во-первых, экономическому росту могло соответствовать параллельное улучшение институциональной среды, а во-вторых, в модели применены данные о динамике площадей застройки лесных зон, использованной в качестве одного из основных индикаторов экономического роста, что, безусловно, ставит под сомнение вопрос о репрезентативности результатов.

Изучение воздействия коррупции на экономический рост производится и в других развитых странах, помимо США. Однако их отличительной чертой является «догоняющий» характер и крайне малое число публикуемых трудов. Так, в работе 2012 г. использовались данные по 20 регионам Италии за 25-летний период, с 1980 по 2004 г. [11]. В модели, которая использовалась в исследовании, присутствует переменная государственных расходов. (Средства выделялись в рамках программ, направленных на сокращение разницы в доходах между северными и южными регионами Италии). Новым, по сравнению с аналогичными трудами, является, анализ эффективности воздействия этого индикатора на экономический рост на фоне изменяющегося уровня коррупции. Согласно результатам, коррупция оказывает исключительно негативное воздействие на динамику экономического роста. Увеличение государственных расходов позитивно влияет на экономический рост, однако коррупция нарушает такую связь, оказывая строго негативное воздействие. Важным уточнением полученных результатов является предпосылка безусловной эффективности государственных расходов или, по крайней мере, их нейтральности. В противном случае, предполагая, что государственные расходы могут являться малоэффективными и негативно отражаться на величине экономического роста, коррупция смогла бы ослабить возникающий отрицательный эффект.

Несмотря на то, что коррупция считается серьёзной проблемой для многих стран, правительства большинства из которых предпринимают попытки борьбы с этим явлением, получение точных эмпирических данных для анализа является практически невыполнимой задачей. Современные статистические данные позволяют наблюдать только относительную динамику масштабов явления, не претендуя на точность. Такие сложности объяснимы: коррупция связана с теневой экономикой, а в некоторых случаях может играть роль и политический фактор. Отсутствие данных затрудняет точную оценку последствий коррупции, проверку различных теорий и гипотез. С этой точки зрения особенный интерес представляют исследования на основе эмпирических данных, полученных экспериментально. Полевые исследования коррупции являются крайне трудоёмким процессом, а их проведение становится

возможным исключительно на микроуровне, ограничиваясь каким-либо регионом или даже группой лиц. Очевидно, что наиболее репрезентативными могут явиться результаты исследований, произведённых на основе экспериментальных данных в регионах, где коррупция имеет значительные масштабы. Как правило, это относится, в первую очередь, к развивающимся странам. Однако, учёные, работающие в этих регионах, редко используют возможность проведения такого рода практических полевых исследований.

Сложившиеся в таких странах ситуации чрезвычайно сильно интересуют американских учёных, занимающихся изучением коррупции. Так, большой интерес в области экспериментального анализа коррупции представляет серия исследований профессора Массачусетского технологического института Бенджамина Олкена (*Olken B.A.*). Его работы базируются на данных, которые были получены экспериментально в некоторых регионах Индонезии.

В первом исследовании показано насколько коррупция может тормозить реализацию государственных социальных инициатив на примере крупной программы по перераспределению риса в бедные районы [22]. Степень коррумпированности измерялась просто: официальное количество выделяемого риса на каждую деревню и район, указанное в правительственных документах, сравнивалось с фактически полученным количеством риса жителями. По результатам исследования, по крайней мере, 18% риса пропало по пути к месту назначения. Коррупция наблюдалась как в этнически гетерогенных (неоднородных) областях, так и в областях с низкой плотностью населения. Это объясняется сложностью осуществления контроля за распределением продуктов. Помимо этого, можно утверждать, что коррупция возникла в большей степени в бедных районах и в районах с малым количеством общественных организаций.

В следующей работе эксперимент проводился более чем в 600 индонезийских деревнях, в каждой из которых строился небольшой участок дороги [23]. Целью исследования являлось выявление наилучшей стратегии мониторинга коррупции: контроль «сверху вниз» с помощью государственных ревизоров, или контроль «снизу вверх» с участием самих граждан. В результате первый способ показал бóльшую эффективность. Повышение вероятности внешнего контроля с первоначальных 4% до 100% привело к сокращению «потерянных» средств с 27,7% до 19,2%. Одна из причин того, что уровень коррупции не снизился до нуля, заключается в том, что даже установка 100%-ного контроля над деятельностью потенциальных коррупционеров не означает полного раскрытия их преступлений.

Второй способ мониторинга – «снизу вверх» показал меньшую эффективность по причине слабых стимулов. В рассматриваемом случае профессиональные аудиторы приносят значительно больше пользы. Однако нельзя полностью отказываться от такого способа контроля, так как он показывает свою эффективность при реализации государственных программ, в большей степени затрагивающих частные интересы (например, субсидирование образования, медицинских услуг или субсидирование продовольствием). То есть с ростом заинтересованности каждого гражданина, растёт и эффективность использования способа мониторинга «снизу вверх». Помимо всего прочего, для того, чтобы воспрепятствовать созданию коррупционных схем, в которые были бы вовлечены государственные проверяющие, необходимо либо с определённой

периодичностью менять аудиторов, либо внедрять данный тип мониторинга исключительно для краткосрочных государственных программ.

Ещё в одном исследовании анализировался рынок коррупционных услуг, предоставляемых полицейскими водителям грузовых автомобилей [24]. Поведение коррумпированных чиновников в работе рассматривалось как поведение фирм, максимизирующих свою прибыль, и уровень коррупции определялся структурой «рынка коррупционных услуг», эластичностью спроса на эти услуги и возможностью коррумпированных чиновников договариваться друг с другом об уровне цен. Именно этот подход и был использован при мониторинге процесса транспортировки товара грузовыми автомобилями, максимальный вес которых превышает допустимую норму. Согласно букве закона, такие грузовики не имеют права следовать далее пункта взвешивания до устранения перегруза. Сложившаяся ситуация и являлась основанием для дачи взяток полицейским. В процессе исследования было выявлено более чем 6 тысяч фактов дачи взяток в ходе всего лишь (!) 304 совершённых поездок. Таким образом, на каждую поездку пришлось около 20 выплат. Всего эти незаконные выплаты составили 13% стоимости каждой поездки, и их сумма превысила зарплату водителей грузовиков и их помощников.

В исследовании показано, что коррупционные модели совпадают со стандартными моделями ценообразования промышленной организации. Сокращение контрольно-пропускных пунктов привело к росту «цен коррупционных услуг». Помимо того, что между пунктами досмотра существовала договорённость относительно уровня «цен», был выявлен ещё и факт ценовой дискриминации, для наиболее эффективной реализации которой полицейские анализировали возраст грузовых автомобилей, ценность груза, его количество и длительность хранения. Более того, на каждом четвёртом пропускном пункте устанавливался двухчастный тариф (*two-part tariff*). Эмпирически было доказано, что децентрализация коррупции ведёт к увеличению количества и размера взяток.

Проведённый анализ показывает, что наибольший вклад в научно-теоретическую базу в сфере исследований процессов и результатов воздействия коррупции на экономический рост (и на другие экономические индикаторы) внесли учёные из США. Их труды имеют важное практическое значение. Результаты этих исследований позволяют, во-первых, прогнозировать изменения экономической конъюнктуры, возникающие вследствие изменения уровня коррупции; во-вторых, оценивать масштабы последствий коррупции; в-третьих, формировать вектор эффективной антикоррупционной политики и, наконец, выявить инструменты, наиболее подходящие для дальнейшего анализа феномена.

Список литературы

1. Роуз-Аккерман С. (2003). Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос. 343 с.
2. Aidt T., Dutta J., Vania S). Governance Regimes, Corruption and Growth: Theory and Evidence // Journal of Comparative Economics. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 195-220.
3. Aidt T.S. Corruption and Sustainable Development // CWPE 1061. University of Cambridge. 2010.
4. Aliyu S.U.R., Elijah A O. Corruption and Economic Growth in Nigeria: 1986-2007 // MPRA Paper 12504. 2008.

5. *Beliamoune-Lutz M., Ndikumana L.* Corruption and Growth in African Countries: Exploring the Investment Channel // University of Massachusetts Amherst Working Paper 2008-08.
6. *Bhattacharyya S., Jha R.* Economic Growth, Law and Corruption: Evidence from India // ASARC Working Paper. 2009/15. The Australian National University, Australia South Asia Research Centre.
7. *Campos N.F., Dimova R., Saleh A.* Whither Corruption? A Quantitative Survey of the Literature on Corruption and Growth // IZA Discussion Paper. 2010. No. 5334. Institute for the Study of Labor.
8. *Eatzaz A., Muhammad A.U., Muhammad I.A.* Does Corruption Affect Economic Growth? // Latin American Journal of Economics. 2012. Vol. 49. No. 2. P. 277-305.
9. *Elrich I., Lui, F.* Bureaucratic Corruption and Endogenous Economic Growth // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. No. 6. P. 270-293.
10. *Farida M., Ahmadi-Esfahani F.Z.* Corruption and Economic Growth in Lebanon. Australian Agricultural and Resource Economics Society. 2008.
11. *Fiorino N., Galli E., Petrarca I.* Corruption and Growth: Evidence from the Italian Regions // European Journal of Government and Economics. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 126-144.
12. *Friedrich C.J.* The Pathology of Politics, Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy and Propaganda. New York: Harper and Row, 1972.
13. *Gould D.J., Amaro-Reyes J.A.* The Effects of Corruption on Administrative Performance: Illustrations from Developing Countries // World Bank Staff Working Paper. 1983. No. 580
14. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. Yale University Press, 1968.
15. *Krueger A.O.* The Political Economy of the Rent Seeking Society // The American Economic Review. 1974. Vol. 64. No. 3. P. 291-303.
16. *Leff N.H.* Economic Development Trough Bureaucratic Corruption // The American Behavioural Scientist. 1964. Vol. 8. No. 3. P. 8-14.
17. *Lui F.T.* An Equilibrium Queuing Model of Bribery // Journal of Political Economy. 1985. Vol. 93. No. 4. P. 760-781.
18. *Mauro P.* Corruption and Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. No. 3. P. 681-712.
19. *Mendez F., Sepulveda F.* Corruption, Growth and Political Regimes: Cross Country Evidence // European Journal of Political Economy. 2006. Vol. 22. No. 1. P. 82-98.
20. *Mironov M.* Bad Corruption, Good Corruption and Growth. University of Chicago, Graduate School of Business. 2005.
21. *Myrdal G.* Corruption: Its Causes and Effects // Political Corruption: A Handbook, Transaction Books: New Brunswick (N.J.) and Oxford, 1989. P. 953-961.
22. *Olken B.A.* Corruption and the Costs of Redistribution: Micro Evidence from Indonesia // Journal of Public Economics. 2006. Vol. 90. No. 4-5. P. 853-870.
23. *Olken B.A.* Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia // Journal of Political Economy. 2007. Vol. 115. No. 2. P. 200-249.
24. *Olken B.A., Barron P.* The Simple Economics of Extortion: Evidence from Trucking in Aceh // Journal of Political Economy. 2009. Vol. 117. No. 3. P. 417-452.
25. *Shleifer A., Vishny R.W.* Corruption // Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. No. 3. P. 599-617.
26. *Tanzi V., Davoodi H.* Corruption, Public Investment and Growth // IMF Working Paper 97/139. International Monetary Fund. 1997.
27. *Tanzi V., Davoodi H.* Corruption, Growth and Public Finances // IMF Working Paper 00/182. International Monetary Fund. 2000.